
Раздел I

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Ю.Л. Оболенская

профессор кафедры иберо-романского языкознания
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: obolens7@yandex.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА
«ДОН КИХОТ» В РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ:
ОТ КАТЕХИЗИСА ДО ДИАГНОЗА**

***Аннотация:** В статье исследуются как влияние романа на русскую литературу и культуру в целом, так и зависимость интерпретаций романа Сервантеса от сменяющихся культурно-исторических контекстов в России – СССР – России, а также результаты освоения образа Дон Кихота национальным – коллективным и индивидуальным – сознанием художников, представляющих различные виды искусства, специалистов и читателей нескольких поколений.*

***Ключевые слова:** интерпретация, актуализация содержания, освоение образа, восприятие и оценка, национальное / индивидуальное сознание*

Мы живем в эпоху победившего постмодернизма, в век почти окончательной победы виртуальной реальности над реальностью окружающего мира – того самого, которому надо было противостоять, на который смотрели со страхом или надеждой. Ирония теперь стала средством постижения предыдущего культурного опыта, уход в виртуальный мир и борьба с ним внутри него – суррогатом героического противостояния, а стилизация – одним из основных художественных приемов. Предтеча этой эпохи в России, безусловно – Сервантес и его бессмертное творение – роман о Дон Кихоте. Казалось бы – реальность литературного произведения по природе виртуальна – читатель *проживает* жизнь созданных воображением писателя героев, вместе с ними борется или проигрывает, любит или ненавидит, однако мир, созданный писателем, все же подобен миру действительности и за редким исключением развивается по его законам. При этом герои Сервантеса – и Дон Кихот и Санчо Панса (в меньшей степени, конечно) важнейшие периоды своей жизни проживают внутри созданной их собственным воображением виртуальной реальности, реальности ми-

фа, противостоя уже в ней – злу, великанам, волшебникам, несправедливости и т.п. Ирония рассказчика на первый взгляд, должна была бы развенчать, дискредитировать эту мифологическую реальность, доказав нелепость противостояния ей, равно как и прославления воображаемой красоты; но читатель даже четыре века спустя видит привлекательность идеалов пародируемого рыцарства, тех духовных ориентиров и ценностей, которые защищал долговязый старик в тазике для бритья.

Ряд исследований и в нашей стране и за рубежом посвящен многоуровневой структуре этого романа: действительно его можно рассматривать и как *квази-перевод* в изложении рассказчика – любителя словесности, и как *псевдопародию* Сервантеса на рыцарские романы, якобы написанную и снабженную комментариями *лже-моралиста* рассказчика. Специалисты рассматривают роль аллюзий, скрытых цитат, *текстов в тексте* романа и всего того, что делает роман действительно ярким примером интертекстуальности и одновременно сознательной игры с читателем, словом, всего того, что оценивается как активно перерабатывающая предшествующий опыт память, а это и есть основная характеристика постмодернизма.

Роман очевидно можно считать первым романом нового времени и прародителем подавляющего большинства романов в Старом и в Новом свете. Но все же самым удивительным феноменом существования романа в *открытом пространстве культуры* стала его способность раскрывать специфику национальных культур и культурных традиций в ходе истории интерпретаций романа на протяжении четырех столетий. Роман и его герои стали своего рода гиперссылками, которые устанавливают связи между текстами различных культур и позволяют перейти к созданию новых текстов или объектов культуры.

В данной статье обратим внимание на обстоятельства, которые обусловили особенности *освоения* романа нашей русской литературой и культурой. Истории интерпретаций романа в России уже более 250 лет. И началась она во второй половине XVIII в. со сниженной, карикатурной трактовки образа Кихота как комического персонажа, эта трактовка опередила и предопределила качества первого русского перевода романа, сделанного Игнатием Тейельсом в 1769 г. В те времена и вплоть до середины XIX в. слово «донкишотствовать» значило совершать нелепые поступки, осмеянные окружающими. Так что же позволяет оценивать его как русский катехизис? Напомню, что

«катехизис» в переводе с греческого означает «оглашение, наставление в вере», которую вслед за апостолом Павлом трактуют как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Что как не азбуку веры в идеалы добра и справедливости, в силу красоты и подвиг жертвенности увидели в этом романе в России начиная с середины века XIX и до конца века XX? И.С. Тургенев ответил на вопрос о том, что «представляет собою Дон Кихот? Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину...»¹.

И только в 80-е годы XX в. интерпретация образа Дон Кихота приобретает новый вектор, направленный на выявление потенциально возможных и востребованных сегодня смыслов, актуализирующих тему конфликта человека и толпы или конфликта особого (иного, инакомыслящего) человека и обычных (одинаково мыслящих и действующих). Прагматичный XXI в. добавил к этим новым смыслам тезис о бесперспективности геройства или борьбы со злом, а донкихотство стало скорее диагнозом: так трагедия превратилась в трагикомедию, а иногда в трагифарс.

Квинтэссенцией русской интерпретации романа на все времена стали известные строки из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского за 1876 г.: «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: “Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?” – то человек мог бы молча подать Дон-Кихота: “Вот мое заключение о жизни и – можете ли вы за него осудить меня?”» [ПСС, 1981, т. 22, с. 92]. Конечно, Ф.М. Достоевский не мог знать о том, что испанский писатель и философ М. де Унамуно в XX в. назовет роман Сервантеса «Евангелием от Дон Кихота», а учитывая несовершенство переводов XIX в., в которых Федор Михайлович познакомился с содержанием романа, можно предположить, что русский гений по русскому же обыкновению читал между строк²!

¹ См. подробнее имевшую огромный резонанс и по сей день актуальную статью И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», которая впервые была опубликована в январе 1860 г.

² Эти переводы, главным образом, французские, например, перевод Ж.-П. де Флориана, опубликованный в 1800 г., (затем с него был сделан перевод В. Жуковского), а в особенности перевод испанофила Л. Виардо 1836 г., признанный тогда в России лучшим, были в библиотеках русских писателей, однако воздействие этих переводов было не всегда столь мощным, а оценки героя единодушными. Так

Удивительная способность к глубинному постижению и актуализации содержания романа и его всеобщее почитание – подлинная *кихотопатия*¹ – в России на протяжении двух веков вызваны, по-видимому, узнаванием своего, «русского характера» в испанском доне Кихоте. Образ Дон Кихота оказался квинтэссенцией именно русских архетипов, в разные времена становящихся актуальными и востребованными в России – то правдивого юродивого, то очарованного странника, то водившего всех за нос Ивана-дурака, то романтика-бунтаря, то идеалиста, желавшего переделать мир по законам справедливости, потому-то русская литература так изобилует донкихотами. Начиная с Рудина и князя Мышкина путь лежит к дяде Ване, к героям «Чевенгура» Платонова и т.д. М. Цветаева считала образ рыцаря «реалистическим героем, праотцом всех романтических», но литературные Кихоты дополнялись в России и Дон Кихотами во плоти, русскими типами Рыцаря Печального Образа – ими были и А.П. Чехов, и А. Блок, и Б. Окуджава. В нашей стране довольно *массовое* донкихотство второй половины в XX в. представлено реальными типажам мятущегося интеллигента, романтика-лирика, *донкихотов в пиджаках* – шестидесятниками, неконформистами, диссидентами и т.п. Поистине нет страны, подобной России, где бы Дон Кихот был всегда так востребован, и где бы столько писали, говорили и спорили о нем! В трудные времена он оказывался островком веры и надежды в несбыточные идеалы справедливости.

О. Бергольц в самое тяжелое для русского кихотизма время – в 1927 г. – с болью замечает в стихотворении «Дон Кихот»: «...и не знает он, недужный, / что сейчас никому совсем не нужен здесь – у нас», одновременно удивительно точно определяя актуальный для той поры контекст образа: «Да, другие теперь / и шлемы, и щит, и оружие, / но во многих остался, годами и бурей не смененный, / Дон Кихот, заблудившийся между Марксом и Лениным». Персонифицированные символы веры – бронзовые бюстики стоящих рядом трех мифологизированных персонажей, увиденные поэтом на витрине –

Л.Н. Толстому чувства, пробуждаемые романом Сервантеса, долгое время казались «исключительными, но не общечеловеческими». Подробнее о противоречивых оценках творчества Сервантеса Толстым см. ст. Ю.Л. Оболенской «Сервантес де Сааведра Мигель» в Энциклопедии: Л.Н. Толстой. М., 2009. С. 712–713.

¹ Я создала этот «термин», заимствовав словечко «кихопат» у Юрия Айхенвальда из его книги «Дон Кихот на русской почве».

это своего рода иконография XX в.¹ Важное утверждение Бергольц – «но во многих остался» и еще «готов, готов на муки», оставаясь на посту: «...Только улиц тонкий ход / караулит Дон Кихот». Дон Кихот с копьем и щитом, оберегающий от зла тех многих, в ком он еще остается, – это и емкая метафора и сохраненный духовный ориентир.

Итак, напомним, что в России 60–80-х годов XIX в. Сервантес – это уже общепризнанный гений, а его «Дон Кихот» расценивается как актуальное произведение. Благодаря оценкам Белинского, Тургенева, Достоевского, Лескова, Гончарова и многих других авторитетных деятелей культуры того времени образ Дон Кихота как *пророка* социального переустройства мира вдохновляет литераторов и читателей на поиски новых духовных ориентиров. Герцен пишет в письме №13 от 1 июня 1851 г. о *наших Дон Кихотах*, рассуждая в письмах о типе *Дон Кихотов революции*, целью которых было «уничтожение тиранства, водворение всеобщего братства, всемирной свободы», однако отсутствие должной подготовки обрекло их на поражение. Опыт XIX в. заключают очень по-русски оптимистичные слова А.Н. Островского: «Поборники правды, чести, любви, возвышенных надежд еще не сошли со сцены, – рыцарь еще не побежден окончательно, он еще будет бороться с неправдой и злом» [ПСС, 1973, т. 10, с. 544]².

А Д.С. Мережковский на излете XIX в. уловил доминанту последовавших интерпретаций образа и пишет в статье «Сервантес» (1897): «Исчерпать его содержание невозможно, потому что он еще не закончен, он еще развивается вместе с нами, и уловить его нельзя как собственную тень. В этом гениальном образе таится зародыш единственно возможного на земле бессмертия – бессмертия великой идеи».

¹ Это удивительное стихотворение, написанное зимой 1927 г. в промерзшем Ленинграде родилось из воспоминания о витрине магазина на проспекте, где она подолгу смотрела на «заблудившуюся между бюстами Маркса и Ленина» бронзовую фигурку Дон Кихота. Это стихотворение, равно как и последующие примеры стихотворных текстов за редким исключением я цитирую по замечательной антологии Т.В. Балашовой (Испанские мотивы...)

² А.Н. Островский преклонялся перед гением Сервантеса, именно он стал первым и единственным переводчиком интермедий Сервантеса в России и собирался перевести «Дон Кихота», во всяком случае, он хотел издать свои переводы всех сцен, связанных с Санчо Панса, наиболее сильно «пострадавших» и в русских и во французских переводах того времени. Подробнее об этом см. ст. Ю.Л. Оболенской «Интермедии М. де Сервантеса в переводе А.Н. Островского» // Вопросы иберо-романистики. Выпуск 11. М., 2011. С. 187–197.

Как менялся опыт русского освоения образа Кихота на протяжении самого драматичного для нашей страны века XX? Рассмотрим, как осваивался предлагаемый Сервантесом и опосредованный в многочисленных переводах опыт *наставления в вере* нашей культурой, трансформируясь в меняющихся контекстах продлившейся целый век *эпохи перемен*. Без сомнения «мир Дон Кихота» стал неотъемлемой частью нашего индивидуального сознания и меняется вместе с нами, но эти изменения отражаются и в тех временных срезах-состояниях национального языкового сознания, которые регистрируются и кодифицируются инструментами хорошо известными филологам – словарями. В этом отношении интересна эволюция определений сервантесовского героя в авторитетном «Словаре русского языка» С.И. Ожегова¹. Итак, 1949 г. – «ДОНКИХОТ. Фантазер, бесплодно борющийся с воображаемыми препятствиями за нежизненные идеалы», в 1972 г. составители добавляют уточнение – «увлеченно, но бесплодно», но не проходит и десяти лет и от негативных коннотаций в 1981 г. тот же словарь отказывается, заменяя «нежизненные идеалы» в определении на героическое: «Фантазер, самоотверженно борющийся за идеалы добра...». Подцензурное и не менее идеологизированное академическое издание «Советский энциклопедический словарь» чуть раньше, в 1979 г. предлагает следующую трактовку: «Имя Дон Кихот стало нарицательным для обозначения человека, чье благородство, великодушие и готовность на рыцарские подвиги вступают в трагическое противоречие с действительностью» – здесь явно фиксируется актуальное трагическое противоречие идеалов тех самых шестидесятников или *донкихотов в пиджаках* в контексте эпохи *застоя*. А в издании 1990 г. (так же как и в изд. 2001 г.) в том же словаре Ушакова появляется *перестроечное* определение: «Станный для окружающих человек, рыцарски-самоотверженно борющийся за отвлеченные идеалы добра». Как мы видим *нежизненные идеалы* картины мира конца 40-х гг. полвека спустя в новой системе координат оцениваются как «идеалы добра», хотя и отвлеченные, а *бесплодный фантазер* стал теперь *рыцарски-самоотверженно* борющимся, но «странным для окружающих человеком».

¹ Отмечу, что в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова 1935 г. определение Донкихота (или дон-Кихота) – именно так назван здесь герой вполне соответствовало канонам начала XIX в.: «Фантазер, вызывающий насмешки бесплодной борьбой за свои идеалы».

Подчеркну, что это *официально* зарегистрированная оценка архетипа, итог коллективного опыта, отразившего доминанты национального самосознания в конкретном культурно-историческом контексте, но кроме того – это итог многочисленных творческих освоений образа в переводах, которых было более десятка, пьесах, иллюстрациях, ролях. Трагический русский Дон Кихот, полностью вытеснивший в XX в. комическую трактовку, – это результат накопления духовного опыта, опыт *наставления в вере* в служение великой идее добра. Этот опыт запечатлен в творчестве И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова, в пьесах А.В. Луначарского, М.А. Булгакова и Е.Л. Шварца; в лучшей экранизации романа в фильме Г.М. Козинцева¹, в ставших легендами гениальных интерпретациях образа Дон Кихота Ф. Шаляпиным, Н. Черкасовым и недавно покинувшим этот мир В. Зельдиным, в гениальных и пророческих иллюстрациях С. Бродского, подлинно философском осмыслении образа художником².

Словарные дефиниции XX в. дополним *документами* нескольких переломных эпох, ярко отразившими индивидуальный духовный опыт освоения кихотизма русскими художниками слова и не только ими. Всеми теми, чье творчество в сгустке эмоций воплощает индивидуальный духовный опыт творца, но одновременно и коллективный опыт – поколения, эпохи, и опыт нации, национальной традиции. Каждое новое поколение поэтов и художников, начиная с поэтов Серебряного века, ищет среди знаковых фигур испанской истории и культуры духовные авторитеты и созвучные их мировосприятию идеи. Их индивидуальный опыт во многом опирается на русскую традицию XIX в. и сложившиеся уже тогда мифологемы.

Итак, в 1924 г. А.В. Луначарский, (с 1928 г. нарком просвещения молодой Республики советов и автор романтической пьесы «Освобожденный Дон Кихот», написанной в 1923 г.) в своей лекции торжественно провозглашает: «Мы имеем такое время, когда в нашей среде

¹ Эта экранизация романа по сценарию выдающегося драматурга Е. Шварца вышла на экраны в 1957 г. и была признана в Испании лучшей экранизацией романа в мире. Драматические перипетии съемок описаны Г. Козинцевым в книге его воспоминаний.

² За серию из 41 иллюстрации к роману, выполненные в 1969–1973 г., С. Бродский был принят в члены Испанской Королевской Академии Сан-Фернандо. Как отмечал сам художник, для него Дон Кихот – «это особое состояние духа, а рассказ о нем – как бы гимн человечеству». Его Дон Кихот суров и жалок, нелеп и трагичен и очень похож на рисунок Ф. Шаляпина, отразивший подобное же видение героя, роль которого он исполнил в поставленной для него опере.

и Дон-Кихоты и Санчо-Пансо являются очень желательными типами и делаются подлинными борцами за будущее»¹. Десятью годами позже поэт Павел Коган в деталях видит поход грустного современного Дон Кихота в светлом советском будущем: «Рыцарь в платье Москомшвея / Отправляется в поход». А еще десять лет спустя – в 1955 г. – Варлам Шаламов с болью запишет: «Юбилей Сервантеса. По газетам и журналам – не Сервантес, а Санчо Панса – главный герой романа... А Дон Кихот – юмористический образ, показывающий как смешно бороться с реальной жизнью чудаку. Вечное отброшено в сторону. Великое воспитательное значение – столкновение идеального и реального – вовсе не упомянуто даже». Но он был не прав, потому что в это самое время Евг. Шварц работает над сценарием фильма о «святости мечты», которая потом в знаменитом фильме режиссера-постановщика Г.М. Козинцева воплотится в фигуре Дон Кихота-Черкасова, главным в образе которого, по словам самого Козинцева, было то, что он «слишком честный и слишком святой для реальной жизни» (выделено Козинцевым – Ю.О.)². Идея святости Дон Кихота явно унаследована от Достоевского, потому что в отличие от тургеневских, гончаровских, лесковских и чеховских Кихотов, именно князя Мышкина отличает евангелистская составляющая образа, в нем было примерно поровну от Христа и Дон Кихота. Ну а при социализме, по понятным причинам, в русском сознании происходит замещение этой христовой составляющей в образе Мышкина кихотической, а сейчас, как мне кажется, в трактовке вдохновленных Дон Кихотом образов заметна обратная тенденция.

Конец 50-х –60-е гг. прошлого уже века в СССР – это годы русских героических донкихотов, вернувшихся или не вернувшихся со страшной войны, непомерной ценой победивших зло реальное, это время *оттепели*, энтузиазма и несбывшихся надежд. Прошедшие войну поэты знают этих Кихотов, и «Дульсинеи ждут,... когда возвратятся с работы донкихоты /... / не в доспехах и не со шпагой, а в рабочем своем пиджаке» – это из «Баллады о Дон Кихоте» Б. Окуджавы. И дальше у него про фронтовиков-кихотов: «...Гранату за пояс, винтовку наперевес / И / «Ты не плачь, я вернусь, Дульсинея!» / ...Да, живут Дон Кихоты! / Я касаюсь в толпе их руки» (1959).

¹ 5 лекция из курса по истории западноевропейской литературы, прочитанного в университете имени Я.М. Свердлова.

² Эту фразу из письма исполнителю главной роли в его фильме «Дон Кихот» Н.К. Черкасову я цит. по Антологии Л. Бурмистровой «Дон Кихот в России», с. 217.

Окуджаве вторит Ю. Друнина, также прошедшая эту войну: «Кто говорит, что умер Дон-Кихот? / Вы этому, пожалуйста, не верьте: / Он не подвластен времени и смерти, / Он в новый собирается поход». Советский балкарский поэт Кайсын Кулиев, продолжая русскую традицию интерпретации образа, и одновременно осозная себя частью этого наднационального образа страны-Кихота, восклицает:

*О, Дон Кихот, ты никуда не канул.
Мы все страдаем болью ран твоих, –
На свете столько злобных великанов,
Принявших облик мельниц ветряных!»*
...
*А в мире правит суд неправый кто-то.
А правый плачет, жребий свой кляня.
Земля не может жить без Дон-Кихота,
Как без воды, без хлеба и огня!».*

В СССР к середине XX в. Дон Кихот – это безусловный образец для подражания, эталон оценки величия души и целей. Дон Кихоту присягали на верность, а благородство души похоже стало востребованной добродетелью. Юр. Иваск в 60-е гг. пишет:

*«Веселее злу сопротивляться,
Петушиным голосом кричать,
С мельничными крыльями сражаться,
Низко падать, высоко мечтать.*
...
...
*Все позволено, а верность та же –
Богу, даме, другу и коню.
Люди свяжут, а Господь развяжет,
Я ли Дон-Кихоту изменю?»*

При этом важно подчеркнуть то, что почти каждый русский поэт, писатель, художник или режиссер становится сотворцом мифологем героев «Дон Кихота», дополняет их своим опытом, отталкиваясь от отечественной и мировой культурной традиции, и порой расшифровывает испанские коды по-своему: в знаковой фигуре Кихота кого-то привлекает динамизм, внутренняя свобода, деятельное служение Добру, а кого-то противостояние трагической судьбе. Популярность спектаклей и фильмов о Дон Кихоте в СССР, а потом в России на

протяжении всего XX века и в веке XXI безусловно свидетельствует о превращении рыцаря печального образа в культовую фигуру.

Интерпретация Ф.М. Достоевским романа «Дон Кихот» не только повлияла на русскую трактовку образа, но и на общеевропейскую в целом и испанскую, в частности. Новый – блаженный и трагический Дон Кихот вернулся в Испанию отраженным светом в образах героев Достоевского, и, прежде всего, в князе Мышкине. Неслучайно в поэме-мистерии Бродского «Шествие» князь Мышкин «ковыляет» рядом с «неустрасимым рыцарем» дон Кихотом. Честь и достоинство неподкупного и верного идеалам идадьго развернута в горькой метафоре у М. Цветаевой, которая в пронзительном стихотворении 1919 г., посвященном Бальмонту, пророчески развивает мысль Достоевского об «отчете» творцу применительно к XX веку:

...

*В вывернутой наизнанку
Мантии Врагов Народа
Утверждаем всей осанкой:
Луковица – и свобода.*

...

*Будет наш ответ у входа
В Рай, под деревцем миндальным:
– Царь! На пиршестве народа
Голодали – как гидальго!*

Мысль М.М. Бахтина о «сотворчестве понимающих», о понимании как превращении чужого в «свое-чужое» как нельзя полнее отразилась в освоении образа Дон Кихота в России. Дон Кихот, став кумиром и пророком нового времени в России XIX в., в XX веке становится почти национальной идеей – воплощением романтического служения благородным идеалам и нестяжательства; этот образ стал мифологемой, созвучной меняющимся контекстам века и всегда *своевременной*, как для новой идеологии сталинских времен, так и для романтизма 60-х, для возрождаемых христианских идеалов начала XXI в. и даже для развития неконформистских идей. Вполне естественно, что оценки рыцаря печального образа у русских поэтов XX века все же разнятся, причем даже в творчестве одного поэта эти оценки порой пересматриваются на протяжении его жизни. Пример П. Антокольского в этом отношении очень показателен: на протяжении 50 лет он обращается к образу Дон Кихота по крайней мере трижды: в 1927 году в стихах «облитых

горечью и злостью» пишет: «Только одно напоследок осталось / Мужество у Дон-Кихота. / Только и есть! Заблуждайся, надейся, / Недорога твоя шкура, / Цвет человечества, жертва злодейства, / Старая карикатура!» А сорок лет спустя, в 1969 заключает: «Да здравствует вне категорий / Высокая роль чудака!».

От романтизма *оттепели* – к реализму 80-х, не забывая о 70-х, когда *символ веры* – русский Дон Кихот с исчерпывающей полнотой был воплощен в поражающих своим трагизмом и безнадежностью иллюстрациях Саввы Бродского. Его Дон Кихот – сломленный хрупкий титан среди выжженной пустыни – поистине *глас вопиющего в пустыне*. А в 1982 г. Юрий Айхенвальд пишет книгу «Дон Кихот на русской почве», отмечая, что «кихотическая действительность, соответствующая современной дислокации фактов, предполагает мир, способный меняться к лучшему, и человека, стремящегося этого добиться. Кихотическое сиюминутное добро не приносит сиюминутного успеха. Очень многие из числа нынешних кихопатов сознают это, однако верят в силу добра, и это меняет для них картину мира таким образом, что они действуют как могут, ради «каждого», не упуская из виду всех. Но к этому гуманистическому идеалу они не успевают приблизиться»¹. Это он про *кихопатов* 80-х, и Сахарова, в том числе. Как мы видим – при всей трагической безысходности невозможности приблизиться при жизни к гуманистическому идеалу добра, автор не лишен и прагматического подхода к кихотизму – не надо ждать *сиюминутного успеха от кихотического добра*, ну а все-таки главное – это вера в мир, который способен меняться к лучшему.

«Нулевые» годы – время излета перестройки – предлагают трагическое отражение *нерва* нации в трактовке «Дон Кихота» Инны Лиснянской 2004 г.:

*Стоит он, в отчаянии цепenea
И простирая ладонь:
Все бросили – Санчо и Дульсиня.
Все бросили. Даже конь.*

*Повсюду циники и пройдохи –
Ни рыцарей и ни дам.
Стоит у воды. Ото всей эпохи –
Только на сердце шрам.*

¹ Айхенвальд Ю. Дон Кихот на русской почве. Т.2. С. 410.

И вот, наконец, в 2005 г. поистине победным кличем постмодернистских интерпретаторов романа Сервантеса прозвучала постановка спектакля «Донкий Хот». Автор – Сэр Вантес. Жанр – «коллективное сочинение. Опус №2». Постановка молодого режиссера Дм. Крымова, сына знаменитого донкихота советского театра Анатолия Эфроса. Роман Сервантеса Крымов «перечитал и был в ужасе, так он мне не понравился... Приключения все одинаковые, сюжета нет, образов, кроме двух главных, и то ясных с самой первой страницы, – тоже нет. Есть... некое средневековое топтание на одной точке... сюжет никуда не движется. Мы придумали свою историю, поскольку той, которая там написана, не вдохновились». Отправной точкой этой истории, удостоенной гранта Комитета по культуре РФ, стал тезис: «Геройство Дон Кихота – это его сумасшествие...», а визуальным воплощением его выделения из толпы карликов – исполнение роли двумя актерами, один из которых сидит на плечах другого.

Вот как трактует автор Донкого Хота своего главного героя: «Дон Кихот – один из первых литературных героев, испробовавших на себе нелюбовь толпы. Толпа не прощает именно непохожесть... Это история про всех – *не таких*...». Далее в интервью¹, которое я цитирую, снижая образ героя романа, обесценивая его идеалы да и просто лишая его помыслов о высоком, Крымов рассуждает о домашних Дон Кихотах – Акаких Акакиевичах. И в заключение делает вывод: «Чтобы оказаться Дон Кихотом, не обязательно быть носителем идеи – достаточно просто быть не как все. Странным чудачком». Очевидно, что эта сверхактуальная постановка не просто игра со зрителем, она отразила и боль сына за трагедию отца, но подобное снижение и сужение образа, да еще и в довольно политизированном контексте – это и взгляд *детей шестидесятников* на идеалы подвижничества и служения Добру и Справедливости, которым были верны их отцы.

Поиск истоков трагизма судьбы героя в нереализованности, неприятии обществом новых идей, его одиночестве и противостоянии толпе актуализируется в социально-политическом контексте

¹ Интервью с Д.А. Крымовым было взято специально для издания ВГБИЛ «Дон Кихот в России» (составитель Л. Бурмистрова), опубликованного в 2006 г. Не располагая сведениями о количестве спектаклей этого постановщика и его популярности у зрителей, но зная, что романтический спектакль с идеализированным Кихотом – адаптация американского мюзикла «Человек из Ламанчи» в постановке театра Советской армии, в котором блистал Вл. Зельдин, шел с неизменными аншлагами с 2004 г. вплоть до смерти артиста в 2016 г.

конца XX– начала XXI веков в новой трактовке, которая подкрепляется активным использованием архетипа Дон Кихота такими прикладными науками как соционика¹ или психоаналитика. Соционика и психоаналитика уже в конце 70-х годов занялись типологией персонажей реальных и вымышленных и выявлением симптоматики каждого типа. Причем тип Дон Кихота выделен на основании черт характера созданного Сервантесом художественного образа, приравненного к реальному индивиду.

Соционика, междисциплинарная наука, созданная Аушрой Аугустинавичуте (1928–2005), исследует механизмы взаимоотношения между выявленными 16 типами личности. Самым любознательным из базовых типов является тип Дон Кихота, а его описание соционикой представляет интерес для нас именно потому, что оно отражает итог практического осмысления архетипа, как положительного, предлагая его подробную характеристику и перспективы «использования» в реальной жизни. Далее я цитирую характеристики этого типа в Интернет-ресурсах соционики. Итак – это «тип *искателя* с базовой функцией *интуиции возможностей*... Представители этого типа проявляют феноменальные способности в самых различных областях интеллектуального творчества, генерируя идеи, высказывая гипотезы, на несколько столетий опережающие достижения современной им эпохи. Трудно переоценить их вклад в развитие интеллектуальной деятельности общества. Выдающие представители этого типа по праву считаются основоположниками многих наук... Для Дон Кихота изучение любого предмета – это в первую очередь изучение открывающихся перед ним перспектив. Умение увидеть возникающие в любой области новые возможности – сильнейшая и характернейшая его черта...». Судя по описанию – это все черты идеального человека XXI века, творца новых знаний, умеющего просчитать и их перспективы. Перечислю имена тех, кто удостоен авторами Интернет-ресурсов включения в группу соционического *типа Дон Кихота*: это сам Сервантес, Зигмунд Фрейд, сама Аушра Аугустинавичуте, Маргарет Тэтчер, Евгений Касперский, Фидель Кастро, Юрий Гагарин, Александр Суворов, Дмитрий Менделеев, Григорий Явлинский, Александр Абдулов, Лев Ландау, принцесса Диана, Том

¹ Эта наука, а по сути – дичок на древе социальной психологии, балансируя на стыке информатики и психологии была создана социологом А. Аугустинавичуте, родившейся в Литве и получившей образование в советском ВУЗе. Она предложила и разработала свою концепцию 16 типов личности, на основе типологии Юнга.

Круз, Ринат Дасаев и многие другие. Что их всех роднит? Ответ соционики: «Открывать новые горизонты и новые перспективы во всех областях научной, творческой и общественно-политической деятельности – таково их высшее предназначение». Вышеприведенные цитаты – свидетельство развития и становления архетипа Дон Кихота внутри социума, на уровне разделяемых большинством представлений и оценок, отражающих укоренившиеся в массовом сознании стереотипы восприятия. Из симпатичного и осмеянного мечтателя за 250 лет жизни в России Дон Кихот превратился в человека завтрашнего дня.

В свою очередь психиатры дают подробное описание *синдрома Дон Кихота*, констатируя его распространенность в России, и отмечают все больше негативные черты подобного типа, описывая симптомы неприятного для самого пациента и для его окружающих заблуждения и непростую методику его лечения¹. Основные симптомы синдрома Дон Кихота таковы: «Гипертрофированный критицизм в отношении к реальности, неспособность смириться с ней, принять ее, неспособность к напряженной работе; “праведный гнев” в ответ на все “несовпадения” с идеальной картиной мира; наличие установки “переделать мир под себя”; черно-белое, полярное восприятие мира и других людей...» и т.п. Психиатрам совсем не нравится как раз то, что так восхищает соционику: «Мысль и фантазия для Дон Кихота – две вещи неразделимые. Размышляя, Дон Кихот фантазирует, фантазируя – размышляет». Учет специфичности *типа Кихота*, оказывается, имеет и чисто практическое применение: при отборе кадров или подготовке «мозгового штурма» менеджеры по персоналу выбирают *Дон Кихотов*, видя в этом типе личности неистощимый креативный потенциал. Можно ли из всего этого заключить, что кихотизм стал сегодня симптомом или даже синдромом и, главное, какой болезни?

Донкихотство (как, впрочем, и сами составляющие его понятия: честь, благородство, отвага и совесть)² в современном контексте в

¹ В статье Г.И. Малейчука с символичным названием: «Дон Кихот» в терапии и в жизни», психиатр предлагает терапевтические задачи для клиентов, одной из которых является «организация встречи с реальностью». Задача звучит забавно, если вспомнить о печальных результатах встреч с реальностью Дон Кихота.

²Здесь процитирую пользователя Интернета – В. Зеленкина с символическим ником – «Искусственный интеллект», который так характеризует качества Дон Кихота: «Как ригоризм, фанатизм и избыточное благородство...». «Избыточное благородство» (выделено мной – Ю.О.) – эта оценка, разумеется, не может не опечалить нас симптомом болезни общества, а не Рыцаря Печального Образа.

значительной мере девальвировано по сравнению с XIX в., когда Достоевский увидел в Дон Кихоте Сервантеса воплощенный горький опыт человечества, потому что ведь и сам опыт стал гораздо горше. Но и в XX в. и в XXI в., как мы убедились, русские поэты «чистят» себя не «под Лениным», как написал когда-то В. Маяковский, а под Дон Кихотом, исповедуя идеи служения прекрасному и жертвенности. А что о нем думают новые читатели? Юноши, увы, чаще пишут в Интернете о герое как о маразматике, шизофренике или психе (ставя диагноз герою с легкостью практикующих психиатров), а девочка Алена Мовчан, прочитав роман в первый раз, подумала: «обычный псих, которого нужно было посадить в психушку». Но вот после второго прочтения и размышления «пришла к выводу, что возможно этими странностями он хотел просто защититься от окружающего его мира». Новая интерпретация донкихотства в XXI веке – донкихотство как способ самосохранения и защиты себя от неразрешимых проблем и разрушительности окружающего мира! И здесь, конечно, не может не внушать оптимизм повторное чтение романа и попытка осмыслить образ, поверяя его своим пережитым опытом. Но ведь и Павел Антокольский – поэт, переводчик и историк литературы – с каждым глубоким переживанием или изменением в своей судьбе по-новому переживал судьбу и образ Дон Кихота, а строки одного из трех его стихотворений, посвященных Рыцарю, говорят не столько о прочности самого «искалеченного» героя, сколько о прочности его морального авторитета и бесконечности его пути в России:

*Сколько бы ни было драк и пощечин,
Сколько ты ни искалечен,
Рыцарь Печального Образа прочен,
Путь впереди бесконечен.*

Актуальность и широта сферы использования имени героя, ставшего в русском языке нарицательным, множественность интерпретаций и оценок образа Дон Кихота, неизменный интерес к роману читателей и специалистов разных областей знаний – все это свидетельствует об устойчивости идей кихотизма в русской духовной жизни, то есть о том, что все мы, воспитанные в русской культурной традиции, вышли не только из гоголевской «Шинели» или пушкинского «Онегина», но и из «Дон Кихота» Сервантеса. Причем даже те, кто так и не осилил этот роман, но всегда легко и по-своему поймет значение необходимого для русской картины мира слова –

«донкихот». А русская оценка героя очень лаконично выражена художником С. Бродским: «...Если в мире не останется ни одного Дон Кихота – мир погибнет»¹.

Литература

1. Айхенвальд Ю. Дон Кихот на русской почве. М., 1996.
2. Багно В. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988.
3. Дон Кихот в России. Антология. / Сост. и автор вступ. статьи Л.М. Бурмисторова. М., 2006.
4. Испанские мотивы в русской поэзии XX века. Антология. / Сост. и автор вступ. статьи Т.В. Балашова. М., 2011.
5. Козинцев Г.М. Ваш Григорий Козинцев: воспоминания. М., 1996.

Yulia L. Obolenskaya

Professor

Department of Ibero-Romance Linguistics

Philological Faculty

Lomonosov Moscow State University

E-mail: obolens7@yandex.ru

Abstract: *The article explores the influence of Cervantes's novel on the Russian literature and culture as a whole, analyses how interpretation of the book evolved in changing cultural and historical contexts in Russia, then USSR and Russia again, and how the image of Don Quixote was rendered in various art forms by several generations of artists in the perspective of collective vs individual national consciousness, and perceived by experts and readers.*

Key words: *interpretation, text actualization, perception and evaluation, national / individual consciousness*

¹ Цит. по изданию «Дон Кихот в России», с. 261.